

В.К. Дмитриев,
советник Президента Ленинградского регионального
отделения ВПА Международной
полицейской ассоциации,
кандидат юридических наук

Правовое государство в современной Европе и США:
некоторые аспекты практической реализации

В настоящей статье автором рассмотрена практическая реализация отдельных элементов теории правового государства в современных европейских государствах и США. Особое внимание обращено на права человека.

Ключевые слова: правовое государство, разделение властей, Швеция, США, Франция.

В силу достаточно продолжительной истории становления государственности в европейских странах и Соединенных Штатах Америки ее современное состояние характеризует высокий уровень практической реализации идей и принципов правового государства.

Одним из важнейших элементов теории правового государства остается разделение властей, которое при этом не должно толковаться исключительно в узком смысле, т.е. как разделение функций властей.

В связи с этим заслуживает внимания американская модель разделения властей, построенная, как отмечает профессор Дж. Тарбер, на «соперничестве между исполнительной и законодательной ветвями власти» [4, с. 9], «сотрудничестве и конфликте» между Президентом и Конгрессом США. Именно в США впервые конституционно (1787 г.) был закреплён принцип разделения властей [1, с. 108].

Мы предлагаем выделять два уровня американской модели разделения властей. Первый (более высокий уровень) – конституционно-декларативный, предполагающий всеобщую обязанность соблюдения буквы и духа Конституции США в целях защиты правовой свободы. Как указал в одном из своих решений Верховный Суд США: «При всех очевидных недостатках, дефектах, проволочках мы не нашли лучшего способа сохранить свободу, чем делая осуществление власти подчиненным тщательно прописанным ограничениям, провозглашенным в Конституции» [5, с. 77].

Второй уровень предполагает классическую «триаду» законодательной, исполнительной и судебной властей, а также устоявшийся (трехступенчатый) механизм сдержек и противовесов.

К числу общих положений, характеризующих данный механизм («первая ступень»), принято относить следующие: различные источники формирования ветвей власти, возможность взаимного противодействия ветвей власти, неодинаковый срок осуществления властями их функций [1, с. 109-110].

«Вторая ступень» американской модели механизма сдержек и противовесов на практике означает систему внутренних противовесов в Конгрессе США, которая формируется из «подкомитетов, комитетов палат, палат парламента, согласительных комитетов палат» [3, с. 40] с собственной компетенцией каждого из них.

«Третью ступень» формируют механизмы сдержек и противовесов, сформированные на уровне штатов, графств и на местах.

Права и свободы человека как основа современного правового демократического государства в странах Европы и США дополнены гарантиями их практической реализации.

Право граждан на безопасность во Франции обеспечивается в том числе специальными полномочиями административной полиции, которыми наделены коммуны, мэры, префекты. Полномочия мэра в этой сфере, как отмечает Е.В. Болотина, достаточно широки. Так, «мэром могут приниматься постановления о запрете стоянки транспортных средств на улице, о закрытии

кемпинга вследствие угрозы затопления местности, об эвакуации из аварийного здания с требованием собственнику недвижимости отремонтировать или снести здание вследствие угрозы безопасности...» [2, с. 37].

Еще одной гарантией реализации мер защиты прав граждан является право префекта в случае бездействия мэра (после направления ему соответствующего требования) возложить на себя полномочия в сфере муниципальной полиции, касающиеся одной коммуны [2, с. 38]. В свою очередь в случае наступления тяжких последствий, связанных с бездействием префекта по изъятию полномочий мэра, государство может понести ответственность за такое бездействие [2, с. 39].

Право гражданина, обвиненного или подозреваемого в совершении преступления, на оказание квалифицированной юридической помощи адвоката в США развито на высоком уровне. Оно получило свое развитие в связи с делом Гидеона в 1963 г., с исключениями, установленными судом штата Флорида при рассмотрении дела Ричарда Аргерзингера. Суд постановил, что «обвиняемый не может быть заключен в тюрьму даже по обвинению в совершении уголовно наказуемого деяния, если ему не будет предоставлен защитник. При этом штат должен обеспечить его для неимущего подсудимого» [5, с. 79]. Сегодня это положение воспринято всеми демократическими правовыми государствами.

Право гражданина на беспристрастное и объективное судебное разбирательство обеспечивается следующими основными положениями. Во-первых, доказательства, полученные с нарушением процессуального закона, которыми признаются «признания, полученные с применением насилия, переговоры, подслушанные без разрешения с использованием электронных «жучков», незаконно изъятые доказательства (наркотики или оружие)» [5, с. 79], не могут быть использованы при доказывании в судебном заседании.

Во-вторых, действует широко известное «правило Миранды». При рассмотрении дела «Нью-Йорк против Кварлза» Верховный Суд США сделал одно исключение из этого правила. Он разрешил полицейским «при опреде-

ленных обстоятельствах ... задавать вопросы арестованному, чтобы устранить угрозу общественной безопасности до того, как он встретится со своим адвокатом» [5, с. 79]. Эта поправка продиктована, как мы полагаем, целями реализации права граждан на безопасность при выяснении вопроса, например, о месте расположения не сработавшего взрывного устройства (когда об этом может пояснить только задержанное лицо, не реализовавшее по тем или иным причинам свой преступный умысел) и в подобных ситуациях, требующих немедленного реагирования в общественных интересах.

Современное правовое государство затруднительно представить без фигуры омбудсмена (уполномоченного по правам человека). За рубежом этот институт, являющийся одним из элементов механизма гарантий реального характера прав и свобод в правовом государстве, развит достаточно хорошо.

Появление предпосылок к возникновению института омбудсмена в его современном виде Андре Легранд связывает с Швецией XVI в., когда «появилась фигура Главного Сенешаля», в функции которого согласно Конституции 1960 г., как указывает А. Хиль-Роблес, «исторически и до сих пор ... входит осуществление от имени верховной власти короля надзора за деятельностью и отправлением правосудия в королевстве» [6, с. 35].

По нашему мнению, можно выделить две модели полномочий омбудсмена: «сильный омбудсмен» и «консультативный омбудсмен».

Модель, которую мы назвали «сильный омбудсмен», представлена в ряде штатов США, Швеции и т.д.

Так, в штате Гавайи омбудсмен обладает широкими полномочиями. При исполнении своих обязанностей омбудсмен и сотрудники его офиса имеют иммунитет от преследования в уголовном и гражданском порядке, приравненный к иммунитету судьи штата. Омбудсмен и сотрудники его офиса не обязаны давать показания какому-либо суду по вопросам, связанным с деятельностью омбудсмена, за исключением случая, когда это необходимо для судебного подтверждения правомерности действий омбудсмена [6, с. 132; 7].

Лицо, не исполняющее требования омбудсмена или сотрудников его офиса, может быть подвергнуто взысканию в виде штрафа на сумму не более 1000 долларов США [7].

Омбудсмен в Швеции вправе контролировать «всех должностных лиц и представителей государственной власти», наделенных ответственностью, кроме «членов выборных муниципальных и общественных советов», а также прокуратуру, магистратов низшей юрисдикции, власти пенитенциарных заведений, ... полицию и вообще всю администрацию системы юстиции» и даже Церковь [6, с. 40-41].

Примером модели «консультативного омбудсмена» является Новая Зеландия. Из компетенции омбудсмена выведены «вся местная администрация, акты, принимаемые министрами или правительством, судьи и органы правосудия, вооруженные силы и Церковь». Основным его «инструментом» является специальный доклад, который в определенных случаях может быть направлен лично премьер-министру [6, с. 82, 85].

Таким образом, основой одной из наиболее эффективных моделей разделения властей, сформировавшейся в США, является «сотрудничество и конфликт» законодательной и исполнительной власти, которые предполагают наличие у них «пересекающихся» или «конкурирующих» компетенций, а также реальную возможность взаимно влиять на принимаемые решения. Описанная система дополняется трехступенчатым механизмом сдержек и противовесов, в котором первой ступенью является традиционные конкурирующие компетенции на федеральном уровне, второй ступенью являются внутренние противовесы в Конгрессе (как горизонтальные, так и вертикальные), третьей – аналогичные (схожие) механизмы, сформированные на уровне штатов и местном уровне.

Названными положениями обеспечивается демократический характер процедуры принятия решений на всех уровнях власти и возможность их отмены в случае возникновения значительных оснований. В итоге предложенная схема позволяет достичь высокого уровня легитимности принимаемых

решений, и, что важно для демократического правового государства, эффективно учитывать мнение различных слоев населения.

Появившееся в XX веке в США (и в настоящее время широко известное) «правило Миранды» в совокупности с положением о ничтожности доказательств, полученных с нарушением требований закона, как нам представляется, может рассматриваться не только в узком смысле как норма, обеспечивающая права человека в ходе уголовного процесса, но и как современная интерпретация сентенции древнеримского юриста Ульпиана: *Ius est ars boni et aequi* (право есть искусство добра и справедливости). Подобная интерпретация отражает суть справедливости в современном праве (которым в итоге выступает уважение достоинства человеческой личности).

В современных государствах большое значение приобрел институт омбудсмана, который является своеобразным посредником между гражданами и властью, исполняющим роль защитника прав и свобод человека, являющегося высшей ценностью демократического правового государства. При этом представляется, что модель полномочий омбудсмана («сильный» (непосредственно действующий, имеющий собственные реальные полномочия) и «консультативный» (действующий опосредованно через соответствующие органы государственной власти)) не имеет принципиального значения при осознании государством важности института прав человека.

Литература

1. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П. и др. Правовое государство: Реальность, мечты, будущее / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Алетейя, 1999. – 246 с.
2. Болотина Е.В. Полномочия французских коммун по обеспечению прав и свобод граждан в полицейской сфере // Мир юридической науки. – 2012. - № 5. – С. 37-41.
3. Осавелюк А.М. Вспомогательные государственные органы зарубежных стран: Конституционно-правовой аспект. – М.: Юристъ, 1998. – 192 с.

4. Разделенная демократия: Сотрудничество и конфликт между Президентом и Конгрессом США / Под общ. ред. проф. Дж. Тарбера. – М.: Прогресс-Универс, 1994. – 416 с.
5. Харрелл М.Э., Андерсон Б. Равное правосудие на основе закона: Верховный Суд в жизни Америки / Пер. с англ. Г.А. Гаджиева и С.А. Кузнецовой. – М.: Манускрипт, 1995. – 143 с.
6. Хиль-Роблес А. Парламентский контроль за администрацией (Институт омбудсмана) / Пер. с исп. А. Казачкова. – М.: AD MARGINEM, 1997. – 335 с.
7. Hawaii Revised Statues. Chapter 96. The Ombudsman [Hawaii State Ombudsman's official web site: Электронный ресурс] // <http://www.ombudsman.hawaii.gov/chapter-96> (§§ 96-17, 96-19).